
М. А. ТИХАНОВА

**РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ III—IV вв. у с. ЛЕПЕСОВКА
в 1957—1959 гг.**

Поселение культуры полей погребений у с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области УССР расположено на левом высоком берегу старого русла р. Горыни (рис. 1), к востоку от современного села, по дороге в с. Ольшаницу. Поселение это больших размеров — общая площадь его достигает нескольких гектаров. Подъемный материал — обломки сосудов, куски обмазки, индивидуальные находки (например, пряслица) встречаются на пространстве в 375 м в длину, вдоль берега реки, и на 270 м в ширину, т. е. на площади более 9 га. Место, на котором находится поселение, справедливо носит у местных жителей название «круча», т. е. всхолмление, возвышенность. Она, действительно, повышается по направлению к югу и снижается в северном, западном и особенно в восточном направлениях, обрываясь на юге, у берега старого русла Горыни, за которым тянется болотистый луг. Поселение это относительно хорошей сохранности — явление для памятников данной культуры редкое: площадь его долгие годы служила местом выгона, а если распахивалась, то неглубоко (18—20 см). Вследствие этого культурный слой, жилые и хозяйственные сооружения, хотя и наземные, оставались в основном нетронутыми.

Памятник у с. Лепесовка был открыт в 1905 г. Я. В. Яроцким. Небольшими раскопками Я. В. Яроцкий обнаружил здесь «ульевидное погребальное сооружение», почему и определил его как «поле погребальных урн», т. е. могильник [1]. Однако вскрытое Я. В. Яроцким сооружение в действительности не погребальное. Это двухкамерная гончарная печь, вертикальной конструкции (внизу — топка, наверху — обжигательная камера), что было определено нами еще в 1941 г. [2]. Печь была заполнена гончарной посудой черняховского сблика. Характер этой керамики правильно определил в дополнении к статье Яроцкого А. А. Спицын, назвав ее керамикой ромашковского типа. Такие же две гончарные печи были открыты в 1961—1962 гг. на северной окраине поселения.

Как показали обследование и раскопки Днестровско-Волынской экспедиции, поселение у Лепесовки в основном однослойное¹. Лишь местами на большой глубине (около 2 м) встречается трипольская керамика. Есть она и в культурном слое, где сочетается с единичными находками обломков керамики мегалитов², эпохи бронзы — тшинецкой и

¹ Дальнейшие исследования (1960—1962 гг.) внесли поправки: однослойным поселение является только в своей прибрежной части. Но протяженность его значительно больше — оно уходит далеко на запад, залегая под современным селом (Лепесовка II и III) [3].

² В Лепесовке, приблизительно в 350—400 м к северу от раскапываемого поселения тем же Я. В. Яроцким было вскрыто обнаруженное крестьянами мегалитическое погребение [1].

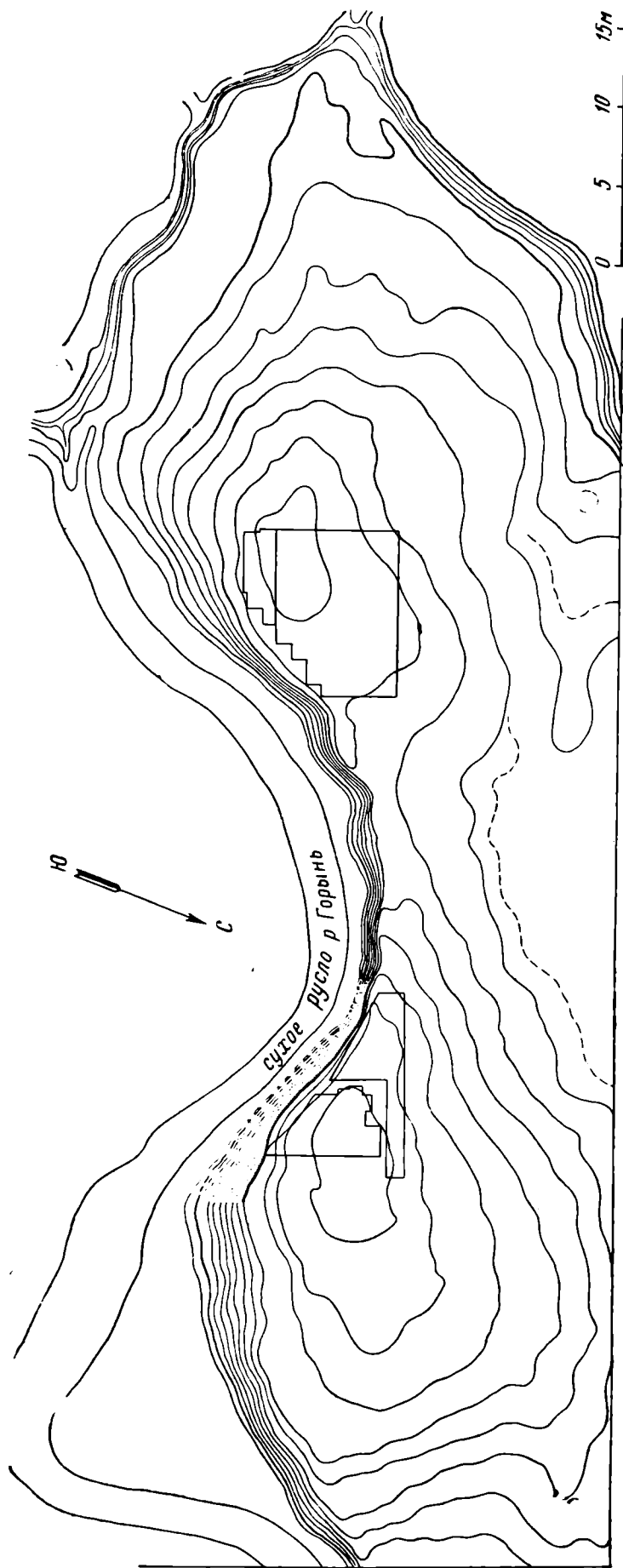

Рис. 1. План южной части поселения у с. Лелесовка

комаровской и эпохи раннего железа. Однако совокупность всех этих находок составляет менее 0,4% в общем керамическом комплексе поселения. Относительно больше (в среднем 2,5%) найдено поздней славянской керамики X—XI вв. Местами встречаются и более выразительные следы жизни на поселении этой поры — хозяйственные печи.

Культурный слой залегает здесь, как и на других синхронных поселениях Поднепровья, Поднестровья и Волыни, в пределах гумусного слоя, на очень небольшой глубине. Уже на первом штыке обильны находки керамики, встречаются изделия из металла, кости, стекла, глины (пряслица). На подошве первого и в пределах второго штыков прослеживаются развалы обожженной обмазки — остатки наземных сооружений. Насыщенность слоя (максимум в пределах 25—75 см) очень велика, но неравномерна. Она значительно больше в центре и в западной части поселения, меньше в восточной, почему раскопы и были заложены в центральной части и на западном его конце. За три года работ вскрыта площадь в 3500 м² двумя раскопами до глубины 75—100 см, т. е. до основания наземных сооружений, уровня дневной поверхности первой половины I тысячелетия н. э. Материковая глина лежит на глубине 1,4—1,45 м. Помимо раскопов, в первый же год работ (1957) было заложено 98 шурфов (метровых или 2 × 2 м) четырьмя параллельными линиями, отстоящими друг от друга на 20 м; шурфы закладывались в шахматном порядке.

Раскоп I (930 м²) [4] — в центральной, самой высокой части поселения показал очень большую, но неравномерную насыщенность культурного слоя, в основном на втором штыке в пределах всего вскрытого пространства, за исключением самого ближайшего к берегу участка, крайне бедного керамикой, но давшего несколько замечательных находок: серебряную фибулу, пряслице и обломок сосуда с греческими буквами. Керамический материал в пределах всего раскопа чрезвычайно однороден: в нем резко преобладает гончарная керамика (лепной относительно немного) черняховского облика, главным образом столовая лошенная, сочетающаяся с кухонной. Керамика встречается не только в обломках, к тому же очень крупных, но и в виде целых сосудов. Обращают внимание большие пифосообразные сосуды для хранения запасов (они почти совершенно отсутствуют на раскопе II).

Особый интерес представляет вскрытое в северной части раскопа I большое (15,5 × 8 м) прямоугольное в плане, наземное сооружение, вытянутое с запада на восток. От него сохранились: развал обожженной обмазки (куски обмазки с отпечатками деревянных конструкций с одной стороны и с заглаженной, как бы отполированной поверхностью — с другой), куски горелых (обугленных) бревен и плах, налегающих на обмазку и лежащих в продольном и поперечном направлении, скопления углей и золы. На «полу» в нескольких местах выступали скопления керамики — раздавленные и целые сосуды — горшки, миски и большой пифосообразный сосуд. В пределах сооружения — четыре очага. Очажки прослеживаются и за его пределами, к востоку от него, причем в каждом из них было обнаружено по несколько (до десяти) глиняных «хлебцев». Обращает внимание также и то, что вне сооружения, но в непосредственной близости от него, к северу и востоку, имеются специально выложенные из глины площадки диаметрами 1 и 1,4 м, на которых в одном случае лежал большой раздавленный сосуд, в другом — обломки такого же сосуда. В пределах самого сооружения была вскрыта аналогичная «выкладка» из глины с камнем в центре, на которой также находился большой пифосообразный сосуд в обломках³.

³ Не исключено, разумеется, и другое предположение, что это могли быть очаги, вернее, если можно так выразиться, их «заготовки». Очаги с подом, выложенным обломками сосудов (а иногда и с камнем или жерновом в центре), известны на поселениях Западной Европы (Северная Германия — например, Тофтинг, Ходорф, Эйс-

Какова была конструкция этого наземного сооружения — установить трудно. Никаких следов углублений от столбов или канавок, в которые могли быть опущены опорные столбы стен или деревянный каркас, не обнаружено. Не прослеживалось и отчетливо выраженного, специально утрамбованного пола, — таковым служила та желтоглиняная «подмазка», которая «подслаивала» всю площадь сооружения. Несомненным остается то, что оно было деревоглинобитным и имело деревянное перекрытие, о чем говорят упомянутые выше горелые бревна (диаметр одного из них 30 см, длина 50 см; лежало на глубине 29 см). Погибло оно, без сомнения, в пожаре.

Несколько слов об очагах. Во-первых, это округлых очертаний небольшой очаг (печь?) диаметром 85 см, с основанием из крупного битого камня и покоробленным, как бы вспученным при пожаре подом. Очаг сопровождался примыкающей к нему с юга зольной ямой глубиной 38 см. Второй очаг из мелкого битого камня сильно разрушен, от него сохранилась лишь часть основания и кусок глинобитного пода. Третий диаметром 70 см также округлый в плане, глинобитный. В нем был обнаружен большой глиняный «хлебец». Самый большой — четвертый очаг (размерами 1,5 × 1,66 м, в плане приближающийся к овалу) в северной части сооружения. Он имел семь залегавших один над другим подов: первый (считая сверху, по мере раскрытия), третий, пятый, шестой и седьмой — из глины, второй и четвертый — из разбитых сосудов (большой миски-жбана⁴, многоярусного сосуда и пифосообразного сосуда). Лежавшая на втором поду миска имеет желтые пятна — следы вторичного действия огня; находившиеся на четвертом поду сосуды следов такого вторичного «обжига» не имеют.

Под седьмым, нижним, подом, в глине, на глубине 26 см (считая от уровня верхнего, первого пода) лежали как бы замурованные две разбитые трехручные чаши на высокой подставке, с резным ажурным бордюром, двойными ручками с подвижными кольцами, украшенные богатым узором, исполненным лощением, по широкому верхнему краю («воротнику») сосуда. В одном случае узор этот разделен на 12 сегментов, в другом — на 9 [4, рис. 40, 1, 2]. Ритуальный характер этих чаш, равно как и самого очага (священное число семь!), вряд ли может вызвать сомнение. Очевидно, это жертвенник. Возможно, что и все сооружение в целом не место обитания, а святилище. Сопровождающие его очажки с «хлебцами» и симметрично расположенные «вымостики» с огромными сосудами [5, 6]⁵ делают это предположение вполне вероятным⁶.

На том же раскопе I, у самого берегового обрыва, были вскрыты еще два больших открытых очага. Один — очень больших размеров, с хорошо

варден), встречаются и в Польше (Пивоница под Калишем) и далеко на юге у нас — на поселении в Капустине на левом берегу Тилигульского лимана, в синхронных с Лепесовским поселениях, не говоря уже о том, что в пределах самого описываемого сооружения имеется такой же очаг (см. ниже). Но никаких следов обожженности глины на них не обнаружено, почему исключено одно — факт их «действия». Думается, что наше первое предположение более вероятно.

⁴ Почти точная копия сосуда, ранее найденного на поду гончарной печи Я. В. Яроцким [1, рис. 5].

⁵ Б. А. Рыбаков полагает, что «обе чаши из алтаря лепесовского святилища предназначались для новогодних гаданий; одна из них охватывала своими изображениями весь год с его солнечными фазами и важнейшими хозяйственными работами. Другая чаша (№ 1) могла применяться для гаданий о погоде — о дожде и ведре, о внешних условиях хозяйствования». Не будучи согласной с предложенной Б. А. Рыбаковым интерпретацией лепесовских ритуальных сосудов, прежде всего как славянских, равно как и с истолкованием их назначения и орнаментации, не имею возможности в данной статье остановиться на этом вопросе сколько-нибудь подробно.

⁶ Возможно, однако, что, сооружение это и не было святилищем, а, как и другие наземные сооружения аналогичного плана и ориентации, открытые в Лепесовке в последующие годы, являлось жилищем. Наличие в нем жертвенника не исключает такой возможности [7].

сохранившимся глинобитным подом (диаметром 1,5 м); второй — на расстоянии 20 м к западу от первого, сильно разрушен.

Раскоп II был заложен в 160 м к западу от раскопа I; общая площадь его, вскрытая за три года раскопок, составляет около 2500 м². В отличие от раскопа I, максимальная насыщенность культурного слоя на раскопе II наблюдается на участках, наиболее близких к береговому обрыву; по мере удаления от берега она уменьшается. Отличен и керамический комплекс. На прибрежных участках резко преобладает, — не только на первых двух штыках, но и глубже — посуда гончарная, притом столовая, лощеная; на более удаленных — значительно возрастает процент лепной, пшеворской, керамики, при относительно равномерной насыщенности слоя индивидуальными находками, однородными на всей площади раскопа. К тому же, в пределах раскопа II выступают отчетливо выраженные следы жизни на поселении и в значительно более позднее время, а именно — врезавшиеся в толщу культурного слоя первой половины I тысячелетия глинобитные сводчатые печи начала II тысячелетия.

Отличия прослеживаются и в другом. В то время как на раскопе I вскрылось только одно сооружение с большим свободным от «застройки» участком перед ним, — вся площадь раскопа II густо застроена жилыми и хозяйственными сооружениями. Здесь отдельные очаги и печи, входящие в определенные комплексы, возможно и производственного назначения (встречается много кусков железного и стеклянного шлаков), хозяйственные ямы (2) и несколько жилых комплексов. На одном из них, открытом в 1958 г., но полностью доследованном в 1959 г., мы останавливаемся специально.

Это большое прямоугольное в плане двухчастное наземное строение (12,5 × 6 м)⁷ с жилой восточной половиной и хлевом в западной (рис. 2). Оно являет собой типичный образец так называемого Stallhaus, т. е. жилища, совмещающего под одной крышей жилое помещение и хлев [8, 9]. В конструкции жилища не все ясно. Здесь, так же как и у сооружения в раскопе I, нет котлована (или канавки), в который могли быть опущены стены; не прослеживается и отчетливой столбовой конструкции. Имеются лишь две ямы внутри жилища: одна у восточной стены (глубина 28 см, диаметр 30 см), расположенная не на продольной оси, а несколько отступя от нее, вторая у западной стены, несколько отступя от последней, очень неглубокая (12 см при диаметре 22 см), видимо, от опорных столбов. На эти столбы могла опираться несущая балка двускатной кровли. Основание стен очень тонкое — 15—20 см. В хорошо сохранившейся южной стенке прослеживаются на равных расстояниях друг от друга (1 м) деревянные вертикальные стояки очень малого диаметра (2—2,5 см). В центре жилища, у его северной стенки, находилась неглубокая яма.

Назначение восточной части сооружения как жилого помещения не вызывает сомнения. Оно с глинобитным полом и очагом, около которого найдена костяная игла и два сосуда. Тут же был ткацкий станок, от которого осталось скопление грузил (грузила в основном пирамидальной формы, единично округлой и бубликовидной) и куски обугленных перекладин, лежащих под прямым углом. Грузила лежали в сплошном слое угля и золы толщиной 2—3 см. Близ грузил на полу лежал большой сильно обгорелый костяной гребень с обломанными зубьями. У южной стенки были найдены еще 18 грузил, лежавшие в два ряда. В юго-восточном углу и у восточной стенки находились разбитый жернов, праща, камни, раздавленные лепные сосуды и почти целая большая чернолоще-

⁷ В указанной выше статье Э. А. Рикмана в описании данного комплекса допущены некоторые неточности: преувеличены размеры (13,5 × 7,5 м) жилища, равно как и ширина стен (30 см), очаг в жилище глинобитный, а не из камней [7, стр. 131].

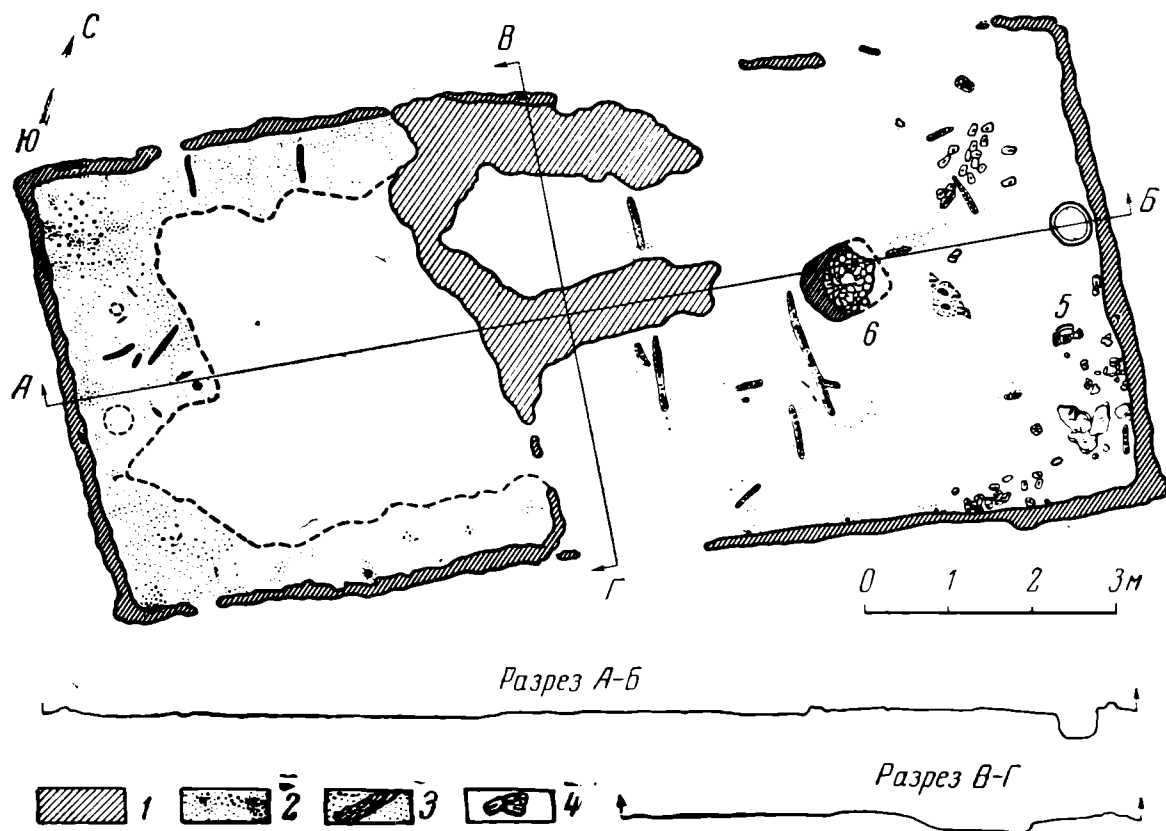

Рис. 2. Раскоп II. План жилища

1 — обмазка обожженная; 2 — земля черная горелая; 3 — обугленное дерево; 4 — грузила;
5 — керамика; 6 — под печи

ная, но порозовевшая, как и другие сосуды, от пожара миска. В этой же части жилища были найдены два железных ножа и кабаньих клык.

Не менее ясно назначение и западной половины сооружения. Пол здесь земляной. Его покрывает плотный сажистый слой, особенно отчетливо прослеживающийся вдоль стен. У северной стенки на равных расстояниях друг от друга лежит обугленное дерево (деревянные перекладины?). В северо-западном углу видны разбросанные зерна и их отпечатки, равно как и отпечатки соломы. Впечатление такое, как будто бы здесь был брошен сноп соломы и лежала травянистая подстилка, прослеженная и в других местах. Никаких находок в этой части постройки обнаружено не было. Есть все основания полагать, что здесь был хлев, разделенный на стойла (ср. деревянные перекладины у северной стенки). В момент гибели постройки при пожаре скота в хлеву, очевидно, не было.

С северной и северо-восточной сторон к жилищу примыкал большой двор (?). На его желтоглиняном «основании» было очень много костей животных, особенно много костей быка в крупных скоплениях, а также обломки посуды лепной и круговой. В самом жилище вся посуда (целые сосуды) лепная, в основном пшеворская, лишь один сосуд северного облика⁸.

При раскопках поселения у с. Лепесовка найден чрезвычайно обильный и выразительный вещественный материал, богатейшая и разнообразнейшая лепная и круговая посуда (62371 обломок и несколько целых сосудов).

В керамическом комплексе поселения отчетливо преобладает круговая посуда — 83,61%, лепной же — 16,39%. В составе круговой значительно больше столовой (76,08%), причем первое место в ней занимает лощеная посуда (90,45%). Очень незначителен импорт — всего 0,21%.

⁸ Ближайшими его аналогиями являются два сосуда из могильника в Дитиничах Вербского района Ровенской обл. [10].

Рис. 3. Гончарная посуда

Он представлен светлоглиняными и красноглиняными амфорами III—IV вв. Единичны обломки красноглиняных сосудов и найден всего один обломок доньшка краснолакового кувшинчика. Среди круговой столовой посуды, наряду с широко и повсеместно распространенными формами — миски (рис. 3, 1—2), в том числе и трехручные, кувшины (рис. 3, 3—5), жбаны (рис. 4, 1), а также часто встречающиеся на поселениях — кухонные горшки (рис. 4, 2) и большие сосуды для хранения запасов (рис. 4, 3). Есть редкие формы, а именно трехъярусный сосуд⁹, уникальные трехручные чаши. К уникальным образцам принадлежат и большие открытые чаши с лощеным орнаментом (на дне изнутри) в виде креста с прямыми или расширяющимися концами (рис. 4, 4) или с изображением дерева, также исполненным лощением. По сравнению с другими известными поселениями богато представлена в Лепесовке керамика с орнаментом, нанесенным штампом и зубчатым колесиком (рис. 4, 5) (аналогии некоторым из них встречаются на Готланде).

Исключительно богат геометрический и растительный орнамент, исполненный лощением. Обращают на себя внимание и часто встречающиеся образцы брака производства — деформированные, вздутые обломки

⁹ Аналогичные сосуды встречаются очень редко в богатых германских погребениях позднеримского времени, например в Леуна [11] и Хасслебен [12], а также в Градушвицах, в Силезии [13].

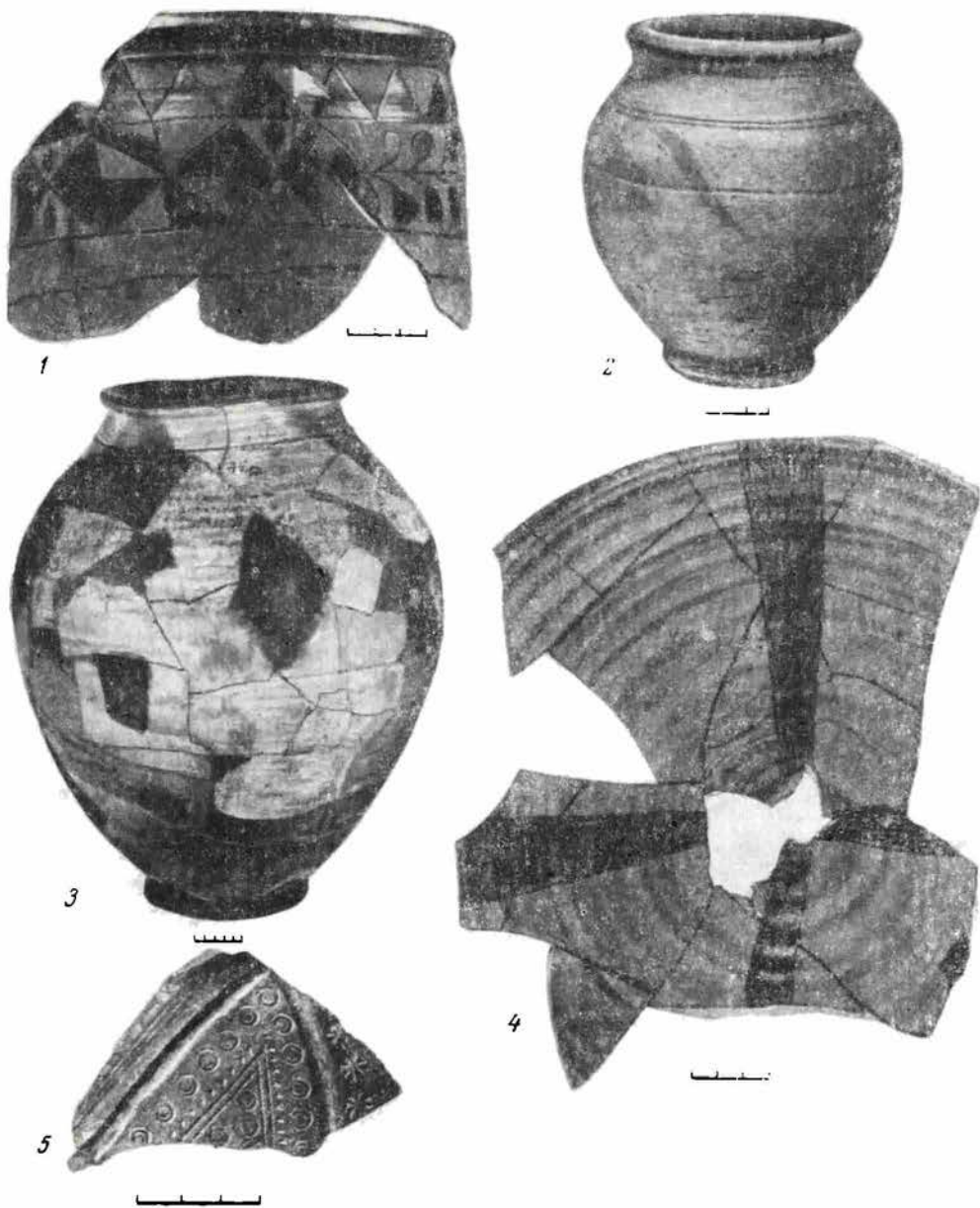

Рис. 4. Гончарная посуда

сосудов. Весь комплекс керамики, сделанной на круге, хорошо датируется III—IV вв.

Лепная посуда также многообразна и выразительна (рис. 5). Она представлена и чернолощеной столовой посудой и грубой кухонной. В первой группе — миски, близкие по формам к круговым и, возможно, их воспроизводящие, а также широко распространенные в пшеворской керамике сосуды на высокой ножке. Не менее типичны (в основном для IV в.) сосуды округлобокие и биконические с широким отворотом. Типична и их орнаментация — косые процарапанные линии, иногда образующие треугольники, глубокие врезы и каннелюры. В то же время полностью отсутствует характерный для более раннего времени (не позже II — начала III в.) меандр. Кухонная посуда, в том числе и «хротоватая», представлена в основном горшками различных размеров эсвидного и яйцевидного профиля и одноручными горшочками-кружками с большой петлеобразной ручкой, типичными для второй половины III—IV вв. Довольно многочисленна группа сосудов (горшков) с орнаментом ногтевым или нанесенным палочкой. Среди лепной керамики особого внимания заслуживает небольшой горшочек с характерным врезным

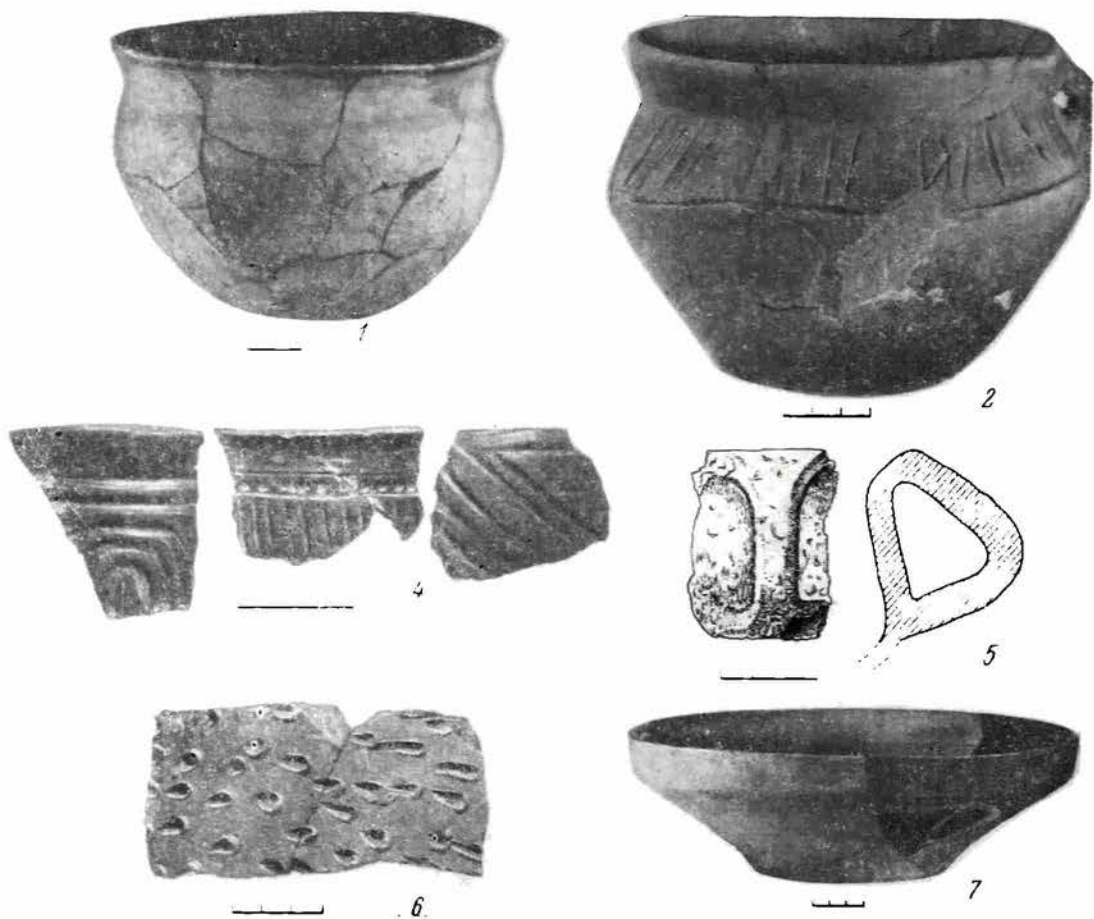

Рис. 5. Лепная посуда
1, 2, 7 — из жилища на раскопе II

орнаментом из переплетающихся многорядных линий. Аналогии известны в памятниках III — начала IV в. на поселениях квадов.

Сказанным, естественно, не исчерпывается характеристика лепной керамики поселения. Так же, как гончарная, она требует специального исследования, тем более пристального, что вопрос этот для территории Волини совершенно не изучен, да и для ближайших, соседних к западу и северо-западу территорий, с которыми она имеет наибольшие аналогии, разработан далеко не полно.

Среди других изделий из глины, найденных на поселении, отметим грузила и пряслица. Грузила (249 экз.) встречаются и единично, и в скоплениях. В большинстве они пирамидальной формы, в том числе и с крестом наверху [14]; единично встречаются бубликовидные. Все грузила плохо обожжены, некоторые просто подсушены. Размеры их устойчивы — в среднем 11—15 см высоты, но есть и очень крупные — конусовидные. Характер обжига грузил, места находок и обнаружение их в одном случае вместе с обугленными деревянными частями ткацкого станка исключают их связь с рыболовством. Они были, несомненно, грузиками для натягивания основы на вертикальном ткацком станке, видимо, для изготовления грубых шерстяных тканей [15—18]. Обилие находок костей овец и коз, а также железного гребня для расчесывания шерсти, равно как и полное отсутствие костей рыб, косвенно это подтверждает.

Многочисленны и разнообразны пряслица (в том числе и богато орнаментированные) — биконические, в виде срезанного конуса и плоские, сделанные из стенок сосудов. Всего их найдено 119 (целых и обломков), а также два костяных.

Среди изделий из глины отметим еще три тигелька, одну льячку, одно сопло, две бусины, подвеску, глиняные «хлебцы».

Много изделий из металла. Среди железных, количество которых значительно больше обычного для поселений данной культуры первой половины I тысячелетия н. э., назовем прежде всего сельскохозяйственные орудия: коса-горбуша¹⁰, сучкорез¹¹, серпы (10 экз. в обломках), оковка лопаты. Найдены также обломок плотничьего топора, долота, гвозди (единично), удила, наконечник копья. Много железных шлаков. На раскопе II они были сосредоточены в юго-западной части. Разумеется, из факта их наличия и даже значительного количества нельзя еще делать выводов о развитой металлургии. Весьма вероятно, что это кузнечные шлаки. Окончательное суждение будет возможно только после завершения их анализа.

Найдены также четыре железные фибулы: три из них с обернутой ножкой, двухчастные, обычного типа, и одна выраженного северного облика. Большая серебряная фибула с фигурной тетивой (рис. 6) не имеет полной аналогии ни в одном из до сих пор известных памятников¹².

Среди изделий из бронзы назовем также в первую очередь фибулы (восемь целых и три обломка) обычные, с обернутой ножкой, но и среди фибул одна маленькая типично северная начала III в. В

общем на нашем поселении найдено фибул относительно немного, на синхронных поселениях их, как правило, больше. Видимо, и в этом отношении волынские поселения, в частности Лепесовское, специфичны. Бронзовые изделия вообще немногочисленны: пять игл, шесть булавок (в том числе одна с граненой головкой), пинцет и браслет с заходящими концами. Малое количество мелких поделок — украшений из бронзы несколько удивляет, особенно потому, что здесь найдены тигельки и льячка, а также бронзовые стержни и трубочка.

Немногочисленны, но весьма характерны изделия из стекла: обломки шести сосудов, в том числе двух с шлифованными овалами — тонкостенной чаши и толстостенного кубка из зеленоватого стекла, небольшой обломочек бальзамария из лилового стекла, большая буса из зеленоватого стекла, маленькая буса с многоцветной инкрустацией и, наконец, пронизка — типичная поделка IV в. К числу выразительных находок относятся и два стеклянных жетона — шашки для игры, широко распространенной среди варварской знати данной поры, заимствованной ею от

¹⁰ Аналогии известны, например, в синхронном поселении в бассейне Одера — Клистов [19] Тождественны и косы позднелатенских поселений, что вполне закономерно, например, в закарпатских — Галлиш-Ловачка и Брестов. Хранятся в Ужгородском краеведческом музее.

¹¹ Бытует до настоящего времени на территории Волыни, в частности в самой Лепесовке и ее окрестностях.

¹² Наиболее близки, хотя и не тождественны, две бронзовые фибулы из курганного могильника в м. Жива Вода, пов. Сувалки (Польша): фибула из труположения № 1 в кургане 14-м и фибула из труположения № 4 в кургане 15-м. Датируются они второй половиной III и IV в. н. э. [20].

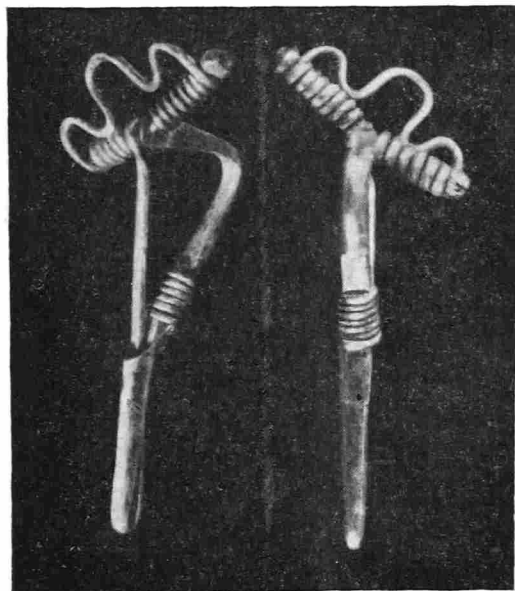

Рис. 6. Серебряная фибула из раскопа I

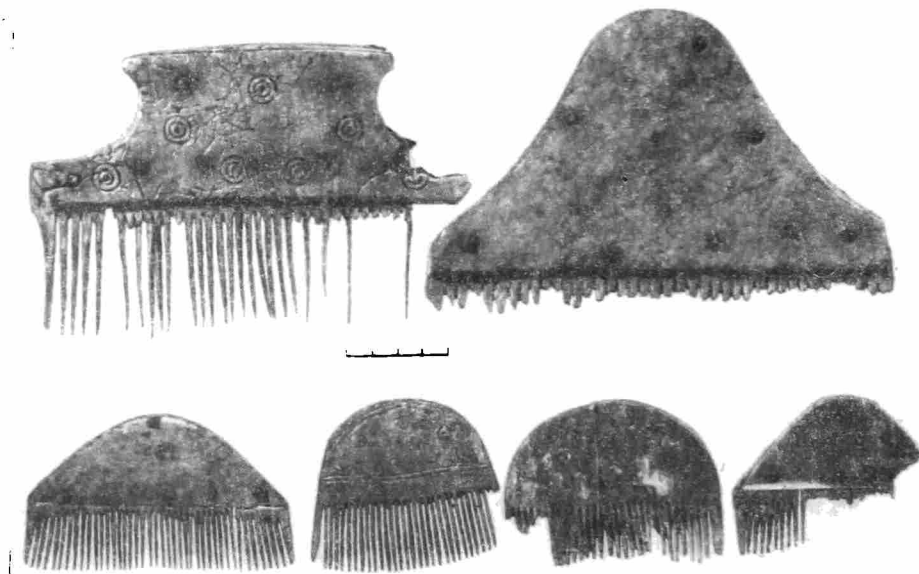

Рис. 7. Костяные гребни

римских солдат — так называемой *duodecim scripta*. Наряду со стеклянными в Лепесовке был найден один костяной жетон. В то время как стеклянные жетоны справедливо считаются изделиями римских провинциальных мастерских, костяные рассматриваются некоторыми исследователями как изделия севера (Скандинавия) [21].

Много найдено и других изделий из кости. В их числе гребни (рис. 7), трехчастные и одночастные, а также одна заготовка. Последняя особенно интересна тем, что она является «пробой» мастера: на ней пробовали нанести циркульный орнамент — кружки с точкой внутри. Об этом говорит и беспорядочное их размещение, и налегание одних кружков на другие, притом с обеих сторон (прямое свидетельство местного изготовления гребней).

Много костяных проколов (32) и «стилей» (30). Найдено также ножевидное изделие с залощенной от длительного пользования рукоятью (может быть, «нож» гончара). Попадаются ложила из ребер животных (крупного рогатого скота) и так называемые коньки, в том числе и один с насечкой. В них С. А. Семенов усматривает рашпили и правилки [22], но для Лепесовского поселения такое предположение исключается.

Часты находки каменных оселков (56), в том числе и с отверстием для подвешивания, а также жерновов (20 обл.). Встречаются каменные ядра (4) и два каменных грузила, одно из них с перехватом, видимо, от рыболовных сетей.

Все предметы, как и керамика, отчетливо датируются временем III—IV вв. Датировка поселения этим же временем была предложена нами уже после первого года раскопок, она полностью подтверждается данными и всех последующих лет.

Во время раскопок был собран обильный костный материал — пищевые отбросы. Все это почти исключительно кости домашних животных — быка, свиньи, овцы и козы, а также лошади; последней, однако, в значительно меньшем количестве. Общий процент домашних животных — 99,18¹³. Костей диких животных ничтожно мало, притом они представлены такими (олень, лось, косуля), рога которых служили, очевидно, мате-

¹³ Большой, чем в Ольвии и на ее периферии, где процент домашних животных колеблется между 90—98,5 [23]. Определение костей с поселения у с. Лепесовка производит В. И. Бибилова.

риалом для косторезов. Все сказанное позволяет говорить не только о скотоводстве, но и о животноводстве, видимо стойловом (ср. хлев и жилище на раскопе II). Наряду с животноводством население занималось и птицеводством, о чем свидетельствуют найденные кости кур и гусей. Небезынтересны и находки костей собак (в основном черепов), крупных, очевидно сторожевых. Встречались они, как правило, близ жилых комплексов.

Особого внимания заслуживают обнаруженные на поселении следы письменности — обломки глиняных сосудов с греческими буквами и монограммами. В настоящее время их насчитывается уже 10.

Наибольший интерес представляют найденные в 1957 г. два обломка. Первый с граффити на дне желтого сосуда с горизонтальным полосчатым лощением. Надпись хорошо читается как $\dot{\iota}\beta\omicron\lambda$ т. е. $\delta\omega\delta\epsilon\chi\alpha$ (или $\delta\epsilon\chi\alpha\delta\omega\omega$) $\delta\lambda\lambda\alpha$ — 12 сосудов для масла (рис. 8, 1). Сделана она, очевидно, мастером-гончаром. Такого рода надписи хорошо известны именно в первые века нашей эры (как, впрочем, и раньше) в античном мире; встречаются они и в городах Северного Причерноморья. Сосуд этот не привозной, а сделан на месте, что подтверждается и его фактурой, и лощением.

Весьма интересен обломок темно-серого лощеного кувшина, украшенного врезанным орнаментом в виде плетенки и елочки, на котором сохранилась

часть надписи — отдельные греческие буквы. Хорошо читаются $\Delta\Upsilon$ (рис. 8, 2). Обе буквы великолепных начертаний, с характерными для капитального письма апексами. Палеографически они типичны для III—IV вв.¹⁴ Слева от Δ видна еще буква, частично оборванная (на изломе черепка); несомненно также греческое Υ . Кроме букв на обломке кувшина, сохранился край монограммы (?), но она не читается.

Второй обломок аналогичного кувшина (не исключено, что он принадлежит тому же сосуду) был найден недалеко от предыдущего, на нем сохранилась только буква Υ . Ниже, под плетенкой имеется как будто бы еще второй ряд буквенных знаков (рис. 8, 3).

В связи с двумя последними фрагментами надписей, как будто не читаемыми, или, во всяком случае, мало понятными, вспоминается хранящийся в Ватиканском музее лекиф, найденный в древней гробнице и изданный еще в 1836 г. На его подставке был начертан греческий алфавит, выше, на тулове располагалась тринадцатистрочная надпись — силлабарий, в одной из строчек которого читается: $\Upsilon\dot{\iota}\Upsilon\Delta\Upsilon\Upsilon\Upsilon\epsilon$ [24, 25]. Известны и другие случаи находок таких силлабариев [25]. Весьма вероятно, что и на лепесовском сосуде, правда, значительно более позднем, мы встречаемся с силлабарием, т. е. начертанием наиболее употребительных греческих слогов; в нашем случае до нас дошел только «осколок» — сочетание согласной Υ с первой гласной греческого алфавита Λ , за ко-

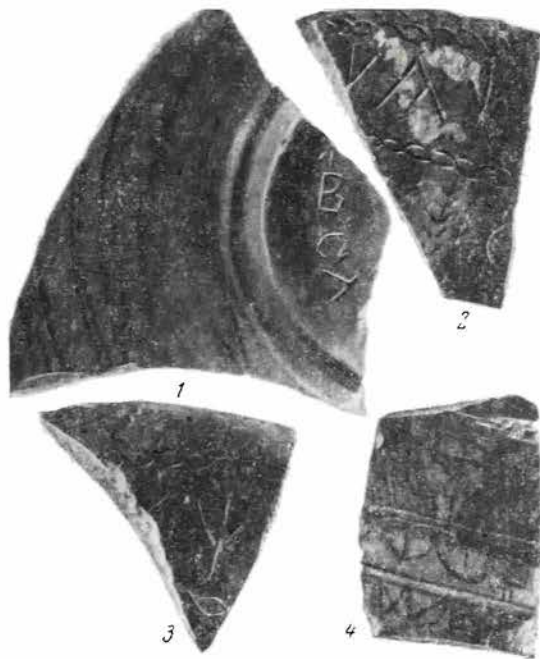

Рис. 8. Обломки сосудов с греческими надписями и буквами

¹⁴ И позднее, вплоть до времен Юстиниана I (527—565).

торой следует снова Ψ , очевидно, в сочетании со следующей гласной, и т. д., т. е. на сосуде начертан обрывок греческого букваря. Предположение это, разумеется, требует еще дополнительной проверки, но является, как нам кажется, наиболее правдоподобным.

На других обломках встречаются отдельные буквы или их сочетания MN , $A \lambda$, Λ , Λ и монограммы Φ рис. (8, 4). Монограмма встречается дважды — на двух различных обломках, причем первый раз на серолощенном богато орнаментированном сосуде. Аналогичная монограмма известна среди находок в римском лагере в Хомбурге [26].

Принадлежность приведенных букв к греческому алфавиту сомнений не вызывает. Самый факт находки следов именно греческой письменности на гончарных сосудах местного производства (не забудем, что часть из них, во всяком случае, наносилась по сырому тесту до обжига) дает ключ к пониманию того, что же собственно представляло собой гончарное ремесло не только в Лепесовке, но и в других синхронных поселениях, где были открыты гончарные печи. Мастера-гончары были, очевидно, пришлые, видимо, из греческих городов черноморского юга, — вероятнее всего из Ольвии, а может быть и из Тиря.

Не меньший интерес вызывают и обломки сосудов со «знаками», сделанными также на гончарном круге, но воспроизводящими начертания, которые встречаются, хотя и редко, только на лепной керамике более западных областей, в основном на территории Восточной Германии. Всего в настоящее время в Лепесовке обнаружено восемь таких сосудов — в том числе один целый сосуд, «надпись» на котором, однако, сохранилась не полностью из-за того, что верх сосуда частично обломан. Но вопроса о сосудах «со знаками» мы пока касаться не будем — в нем еще слишком много неясного.

Литература

1. Я. В. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовки Кременецкого уезда. ИАК, 29, СПб., 1909.
2. М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, 6, 1941, стр. 262—264.
3. М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. КСИА АН СССР, 87, 1962.
4. М. А. Тиханова. Днестровско-Волыньский отряд Галицко-Волыньской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, 79, 1960.
5. В. Рыбаков. Calendrier agraire et magique des anciens poltanes. VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS. Moscou, 1962.
6. Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, 4 стр. 84, сн. 18.
7. Э. А. Рикман. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, 3, стр. 131 и 134.
8. G. Behm. Das germanische Dorf auf dem Bärhorst bei Nauen. PZ. XXVIII—XXIX, 1937—1938, 1939.
9. G. Behm-Blaucke. Germanische Dörfer in Brandenburg. AF, 3, тетр. 4/5, 1958.
10. М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 3, Київ, 1961, рис. 6.
11. W. Schulz. Leuna. Ein germanisches Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953.
12. W. Schulz. Das Fürstengrab von Hassleben. Römisch-germanische Forschungen, 7, Berlin, 1933.
13. M. Jahn. Altschlesien, I, 1927, рис. VI.
14. B. Kostfzewski. Smentarzysky z okresu rzymskiego w Czaczu i w Kokorzynie. Fontes archaeologici Posnaniensis. Poznań, 1951, рис. 101, 3.
15. В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях МИА, 25, 1952.
16. В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 143—144.
17. Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, 57, 1956.
18. W. La Baume. Die Entwicklung des Textilhandwerks in Europa. Bonn, 1950, рис. 18.
19. K. H. Marschallek. Die ostgermanische Siedlung von Kliestow bei Frankfurt (Oder). PZ, 30/31, 1939/40, тетр. 1—2, рис. 29—30.

20. W. Ziemińska-Odojowa. Badania wykopaliskowe w 1959 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Żywa Woda, roy. Suwalki. Rocznik Białosticki, I, Białostok, 1961.
21. B. Stjernquist. Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. AAL, seria III в 4°. Lund, 1955, табл. XXIII, 9.
22. С. А. Семенов. Шліфувальні кістяні знаряддя з Ольвії. АП, VII, Київ, 1958.
23. В. І. Бібікова. Фауна Ольвії та її периферії за матеріалами розкопок. 1935—1948 рр. АП, VII, стр. 153.
24. R. Lepsius. Sur un vase de fabrication étrusque avec deux alphabets grecs et sur une inscription de la ville pélasgique d'Agilla. AJA, VIII, 1836, стр. 186, табл. В. 1.
25. SIG, IV, № 8342, стр. 212—213; III, № 6183, стр. 874—875.
26. [Jacobi]. Die Ausgrabungen und Funde der Jahre 1929—33. Saalburg-Jahrbuch, VIII, 1934, табл. V, 30.